

Ю.Д. Южаков

**Итоги 27-летнего управления нашего
Туркестанским краем**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ю11

Ю11 **Ю.Д. Южаков**
Итоги 27-летнего управления нашего Туркестанским краем / Ю.Д. Южаков – М.: Книга по Требованию, 2014. – 84 с.

ISBN 978-5-458-13180-3

Итоги 27-летнего управления нашего Туркестанским краем. Содержит итоги экономического развития Туркестанского края за 27 лет, прошедшие после взятия Ташкента.

ISBN 978-5-458-13180-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

нуждъ и потребностей онъ не зналъ и не признавалъ,—о чемъ въ шаріатѣ не упоминалось, то и не считалось обязательнымъ. Каждый кишлакъ былъ отдѣльная религіозная община. Большіе же города состояли изъ десятковъ такихъ общинъ, составлявшихъ махалля (приходъ), единственная общественная единица. Въ большихъ городахъ кромѣ того были торговые люди—купцы. Но они не составляли собою отдѣльнаго сословія, не были соединены въ одно цѣлое, словомъ ничѣмъ не проявляли особаго общественнаго единенія, особыхъ интересовъ, да и не имѣли для того потребной организаціи. Ими спеціально завѣдывалъ зякетчій; но онъ лишь взималъ съ нихъ зякетъ и передавалъ имъ къ исполненію требованія бека или правительства—и только. Торговля также всецѣло находилась подъ вліяніемъ и присмотромъ шаріата—зякетчи ни придумать, ни требовать ничего новаго не могъ. Базарные же аксакалы завѣдывали только порядкомъ и охраной базаровъ. Такимъ образомъ, города и кишлаки не представляли собою общество, какъ единое, цѣлое и правоспособное установленіе—это было совмѣстное жительство правовѣрныхъ, которые обязаны были аккуратно ходить въ мечеть, строго исполнять всѣ обрядовыя требованія шаріата и исправно платить сборщикамъ государственныя подати, хераджъ таналъ и зякетъ, и налоги по требованію хакимовъ, и бековъ на разныя потребности. Совмѣстная жизнь, конечно, создавала нѣкоторую общность интересовъ, на примѣръ: окарауливаніе и охрана кишлака отъ степныхъ хищниковъ, исправленіе и чистка старыхъ арыковъ, проведеніе новыхъ; но ирригаціею завѣдывали саркеры чрезъ назначаемыхъ ими арыкъ-аксакаловъ и ихъ помощниковъ тугачей, а охрана лежала на обязанности аксакаловъ, которые и распоряжались этимъ. Вообще осѣдлое населеніе не составляло организованныхъ обществъ, которыя бы дѣйствовали самостоятельно, властно, имѣли бы право приказывать, требовать, распоряжаться. Оно группировалось въ удобныхъ для земледѣлія мѣстностяхъ, составляло изъ отдѣльныхъ семействъ селенія, города и управлялось казіями, раисами, курбашами, аксакалами, саркерами, зякетчіями, которые назначались беками и центральнымъ правительствомъ. Но всѣ эти власти руководствовались исключительно шаріатомъ,—только беки, какъ и само правительство, хотя должны были управлять населеніемъ тоже по шаріату, но часто позволяли себѣ дѣйствовать по своему усмотрѣнію,

прислушиваясь, однако, къ мнѣнію ишановъ, аглямовъ, муфтіевъ, мударесовъ и казіевъ, авторитетныхъ толкователей шаргата. Такимъ образомъ осѣдлое населеніе управлялось по шаріату правительственными агентами; но само не имѣло соотвѣтственныхъ органовъ для самостоятельной общественной жизни и ни въ чемъ не проявляло общественной дѣятельности, отчего и находилось въ состояніи закоренѣлой вѣковой неподвижности.

Кочевое населеніе представляло совершенно другой типъ, другую картину. Здѣсь царствовалъ родовой патріархальный бытъ. Киргизы раздѣлялись на поколѣнія, поколѣнія на роды, роды на отдѣленія, отдѣленія на подъотдѣленія, послѣднія состояли изъ отдѣльныхъ ауловъ или семействъ. Каждое семейство составляло отдѣльный аулъ, исключеніе составляли бѣдняки и игинчи (хлѣбопашцы). Бѣдные аулы состояли изъ двухъ, трехъ и болѣе семействъ, но большинство изъ одной семьи. Хотя богатые семьи разбрасывались на два, на три аула по числу женъ у богатаго киргиза, или взрослыхъ отдѣленныхъ сыновей, но въ сущности они составили одинъ аулъ, одну политическую единицу. Ауломъ управлялъ глава семьи—аксакалъ. Родственные аулы группировались по возможности на одной мѣстности, какъ на лѣтовкахъ, такъ и на зимовкахъ и во время перекочевокъ. Киргизы женятся очень рано и могутъ имѣть до семи женъ. Поэтому нѣкоторые очень богатые и вліятельные киргизы еще при жизни своей имѣли счастье быть окруженными многочисленнымъ потомствомъ, жившимъ въ нѣсколькихъ десяткахъ ауловъ, кочевавшихъ вмѣстѣ вблизи одинъ отъ другаго. Пользуясь своею силою, богатствомъ и вліаніемъ, этотъ патріархъ на кочевкахъ захватывалъ возможно больше земли отдѣльными урочищами. Потомство его, размножаясь, называлось его именемъ и такимъ образомъ составлялась особая группа, особое подъотдѣленіе. Глава аула или нѣсколькихъ родственныхъ ауловъ былъ естественный аульный аксакалъ, представитель, покровитель и полновластный его управитель.

Аулъ жилъ совершенно независимо и самостоятельно; во внутреннюю его жизнь никто не вмѣшивался. Онъ обязанъ былъ платить выкупъ, т. е. подать, со скота, и равные общественные сборы на потребности всего рода или отдѣленія, а также въ случаѣ надобности давать одного или двухъ воору-

женныхъ джигитовъ противъ общаго врага—никакихъ другихъ обязанностей аулъ не зналъ.

Составившееся изъ такихъ родственныхъ ауловъ подѣленіе находилось подъ главенствомъ тугачи—старшаго потомка того, чье имя оно носило—хотя есть подѣленія, называющіяся и по мѣстности. Нѣсколько такихъ подѣленій составляли отдѣленіе, управляемое біемъ, а нѣсколько отдѣленій родъ, управляемый родовымъ старшимъ біемъ. Если отдѣленіе кочевало отдѣльно и вдали отъ остальныхъ родичей, такъ что сообщенія съ ними становились случайны и рѣдки, тогда глава отдѣленія становился въ положеніе родопрavitеля и пользовался его правами. Родопрavitель, какъ глава рода, былъ его естественный представитель, покровитель и отвѣтственное лицо предъ правительственною властію. Но правительственная власть требовала лишь исправнаго взноса зякета и покорности. Вслѣдствіе постоянныхъ смуть и волненій въ ханствѣ и очень частой перемѣны хановъ, а съ ними и всего правительства, власть правительственная въ рукахъ хакимовъ и бековъ была въ отношеніи кочевниковъ крайне не устойчива, непрочна, слаба, поэтому власти совершенно не вмѣшивались во внутренній бытъ киргизовъ. Они, конечно, не церемонились съ бѣдными киргизами, жившими въ своихъ юртахъ и юламейкахъ около укрѣпленныхъ пунктовъ, а также игивчей, осѣвшихъ уже на мѣстахъ, удобныхъ для хлѣбопашества, и проявляли въ отношеніи ихъ свою власть совершенно произвольно, не придерживаясь никакого закона и никакого обычая или порядка. Въ отношеніи же киргизовъ, кочевавшихъ въ степи, власть бековъ была, за рѣдкимъ исключеніемъ, слабая; но конечно власть ихъ была пропорціональна ихъ вооруженной силѣ. Если бекъ располагалъ значительнымъ гарнизономъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи достаточное количество и сипа (конница) и сарбазовъ (пѣхота), то и власть его была болѣе внушительна; при слабыхъ же гарнизонахъ, какъ болѣею частію и было, и особенно въ степныхъ укрѣпленныхъ пунктахъ, она была ничтожна. Но и располагая значительными силами, беки старались ладить съ киргизами, ибо за ними, какъ за вѣтромъ въ полѣ, не угоняешься; а они имѣли полную возможность держать извѣстный районъ въ постоянной тревогѣ и даже въ осадномъ положеніи, такъ что только при полномъ спокойствіи осѣдлое населеніе смѣло выходило изъ своихъ окруженныхъ, и защищенныхъ высокими стѣнами киш-

лаковъ въ степь на свои поля, не опасаясь чебаровъ и баранты. При такомъ положеніи дѣль родоправители большихъ родовъ имѣли огромное значеніе какъ въ степи, такъ и въ глазахъ правительства. За родоправителемъ стоялъ и шелъ весь его родъ; если бекъ былъ съ ними въ ладу, или съумѣлъ держать ихъ въ рукахъ, то и въ степи было спокойно. Въ противномъ случаѣ степь волновалась, приходила въ броженіе, а кишлаки замыкались въ своихъ высокихъ стѣнахъ. Такое положеніе для осѣдлаго населенія занимающагося хлѣбопашествомъ, было невыносимо, и кишлаки вступали въ особое отношеніе къ родоправителямъ сосѣднихъ киргизовъ. Такъ во время нашего прихода, родоправитель рода „Сейкимъ“, бій Батырбекъ, былъ патрономъ, или покровителемъ кишлаковъ КараБулака и Манкента; родоправитель рода „Джанысъ“, бій Момынбекъ, былъ патрономъ кишлаковъ Карамуртъ, Явганлыкъ и Тонгузъ—Лау; родоправитель рода „Чемыръ“, бій Байзакъ, покровительствовалъ городу Аулізата; родоправитель рода „Исты“, бій Чокай, покровительствовалъ кишлаку Чулакъ-Курганъ, а Кунусъ, родоправитель рода „Конградъ“—Туркестанскимъ кишлакамъ. Кишлаки за это покровительство принимали своихъ патроновъ съ почетомъ, подносили разъ въ годъ сарпа—недорогіе подарки. За эту честь оказываемую ими такимъ вліятельнымъ старѣйшинамъ киргизовъ, они спокойно обрабатывали свои поля и ѣздили съ торговыми или иными цѣлями въ киргизскіе аулы.

Такимъ образомъ родоправители пользовались большимъ значеніемъ и большимъ вліаніемъ, какъ между киргизами, такъ и въ глазахъ коканскихъ правительственныхъ властей и осѣдлаго населенія. Въ глазахъ же своихъ сородичей онъ былъ бій—правитель и судья и пользовался громаднымъ вліаніемъ. Родичи его почитали и безпрекословно ему повиновались: признавалъ онъ власть коканцевъ—и они покорялись имъ и наоборотъ. Но родоправители управляли своимъ родомъ не произвольно, а строго согласуясь съ установившимся и получившимъ силу закона обычаемъ предковъ. Въ частную же домашнюю жизнь своихъ сородичей онъ не вмѣшивался; она текла свободно, вольно, но согласно во всемъ съ обычаемъ отцовъ и дѣдовъ. Какъ сарты жили и, такъ сказать, дышали по шаріату, такъ киргизы жили и думали по обычаю. Этотъ обычай былъ единственный законъ для киргизъ, главный руководитель и ихъ владыка. Киргизъ въ частной жизни былъ

совершенно свободенъ и ни отъ кого независимъ. Жизнь его зависѣла всецѣло отъ благосостоянія его скота: было бы его баранамъ и лошадямъ не голодно и не холодно—и онъ счастливъ и доволенъ; въ этомъ все его благополучіе. Когда же его благополучіе нарушалось кѣмъ-нибудь,—онъ или обращался къ самосуду—шелъ барантой и чебаромъ противъ своего недруга, или шелъ къ бію—правителю, или къ суду біевъ, смотря по важности дѣла. Въ сущности у киргизовъ не было біевъ, какъ установленныхъ или постоянныхъ судей. Біями назывались родоправители и судьи; но судъ біевъ состоялъ изъ лицъ, избираемыхъ тяжущимися сторонами на каждый случай особо. Такимъ біемъ могъ быть всякій, кого только пожелаетъ тяжущаяся сторона; но обыкновенно избирали лицъ пользующихся общимъ уваженіемъ и хорошо знающихъ киргизскій адатъ (обычное право киргизъ). Такимъ образомъ выходило, что тяжущіеся избирали почти однихъ и тѣхъ же лицъ; въ силу такого постоянства этимъ лицамъ усвоивалось званіе біевъ, и они уже всю жизнь носили званіе бія. Какъ родоправитель, такъ и избранные біи разбирали и рѣшали дѣла строго по адату, отнюдь не отступая отъ его требованій и положеній,—и въ этомъ заключалась прочность и сила власти родоправителя и суда. Нарушеніе адата неминуемо поколебало бы власть родоправителя и довѣріе къ судьямъ. Какъ у сартовъ дѣйствія и распоряженія правительственныхъ властей считались незаконными, если они были несогласны съ шаріатомъ, такъ и у киргизовъ,—если они были несогласны съ адатомъ; но тѣ и другіе имъ повиновались, какъ приказаніямъ силы, которой покоряется все, къ чему она соприкасается. Сила же эта имѣла значеніе пропорціонально разстоянію кочевокъ отъ укрѣпленій коканскихъ—и вдали въ глубинѣ степи теряла всякое значеніе. Поэтому внутри степи была полная анархія, полное безначаліе. Хотя киргизы управлялись біями, судились и жили по адату, то есть, по обычаю; но обычай этотъ имѣлъ силу закона только во взаимныхъ отношеніяхъ киргизовъ между собою, и когда къ нему обращался; даже въ этихъ послѣднихъ случаяхъ имъ только руководствовались, на основаніи обычая судились, по обычаю входили въ домашнія и семейныя сдѣлки, но по исполненію судебныхъ рѣшеній и домашнихъ и семейныхъ обязательствъ, обычай очень часто нарушался и не исполнялся. Не только въ столкновеніяхъ киргизовъ разныхъ родовъ, но и въ дѣлахъ между родича-

ми, киргизы старались уклониться отъ исполненія рѣшеній суда биевъ, какъ по уплатѣ куновъ за убійство, за нанесеніе тяжелыхъ и легкихъ ранъ и поврежденій членовъ, такъ и по взысканіямъ долговымъ: свадебнымъ, семейнымъ и за разныя кражи и баранты. Тогда вступалъ въ свои права самосудъ,— потерпѣвшая сторона считала себя вправѣ силой, т. е., барантой, или чебаромъ, взять то, что ей причитается, или отомстить за смерть, или увѣче своего родича. Противная сторона старалась въ свою очередь отомстить тѣмъ же: за баранту — барантой, за чебаръ—чебаромъ, и начиналась родовая месть. Разоренная и обезсиленная барантой сторона обращалась къ суду биевъ. Судъ разбиралъ и присуждалъ кому что слѣдуетъ, но рѣшеніе также не исполнялось — и снова баранта, но уже въ болѣе обширныхъ размѣрахъ: принимали въ ней участіе ближайшіе родственники и барантовали и чебарили не самихъ только противниковъ, но и ихъ родичей.

Такимъ образомъ, установилась баранта, которая стала въ степи обыденнымъ явленіемъ, была бичемъ народнаго благосостоянія и поддерживала и раздувала тамъ анархію и духъ своеволія. Киргизу уже было скучно безъ баранты и чебара сидѣть, сложа руки, въ своемъ аулѣ—онъ припоминаетъ какіе-нибудь давнишніе счеты съ киргизами другихъ родовъ— и барантуетъ. Здѣсь киргизы проявляютъ удалство, ловкость, силу и смѣлость — и смѣлый барантачъ, приобрѣтаетъ славу въ степи. Собравъ вольницу, онъ уже дѣлаетъ набѣги на чужихъ киргизовъ, принадлежащихъ къ другой ордѣ, находящихся подъ вѣдомствомъ другихъ властей — съ Таласа и Чу идетъ въ Каркаралы, въ Акмоллы, или къ каракиргизамъ, съ Арыса и Дарьи—въ Букантау и на оборотъ. Идетъ по степи торговый караванъ, по возможности многочисленный и вооруженный— киргизы норовятъ отогнать верблюдовъ, лошадей, сдѣлать на ночлегѣ въ темную ночь суматоху и стащить одинъ или два тюка съ товаромъ. Караванбашъ, благодаря суюнчамъ (подарокъ за хорошее свѣдѣніе) находитъ виновныхъ и обращается къ суду биевъ—судъ присуждаетъ съ виновныхъ слѣдуемое; но потерпѣвшій караванъ очень рѣдко получалъ удовлетвореніе. Такимъ образомъ, въ степи своевольничала киргизская вольница, не зная ни закона, ни власти.

Отношенія между кочевымъ и осѣдлымъ населеніемъ были весьма недрожелюбныя. Рознь эта между сартами, съ одной стороны (равумѣя подъ именемъ сартовъ все осѣдлое населе-

леніе) и киргизами съ другой, не зависѣла отъ какихъ-нибудь случайныхъ обстоятельствъ, отъ какихъ-нибудь давнишнихъ споровъ и несогласій,—она глубоко коренилась въ самой натурѣ тѣхъ и другихъ. Это была рознь людей съ совершенно разнымъ характеромъ, съ разными міровоззрѣніями и вкусами и съ рѣзко отличающимся одинъ отъ другаго образомъ жизни. Киргизы народъ подвижной, бродячій и сравнительно воинственный; сарты малоподвижны и трусливы. Первые, народъ веселый, общительный, добродушный, добросердечный, гостеприимный, щедрый, поэтъ въ душѣ и воспріимчиваго, но легкаго, ума;—вторые—угрюмы, не общительны, скрытны, хитры и лукавы, серьезны, обстоятельны и скупы. Киргизъ обманетъ и солжетъ по легкости сердечной, по своей болтливости, не придавая своей лжи серьезнаго значенія; сартъ обманетъ и солжетъ умышленно, вполне сознательно, съ расчетомъ. Кроме этихъ противоположныхъ свойствъ у тѣхъ и другихъ, киргизъ—смотреть на сарта съ высока, съ одной стороны, какъ на хлѣбопашца, на чернорабочаго, чѣмъ занимаются у нихъ только самые послѣдніе люди, игинчи, совершенные бѣдняки, а съ другой, какъ на обманщика и ростовщика, который ссужаетъ имъ деньги за громадныя проценты, продаетъ имъ свои произведенія и разные товары страшно дорого, при чемъ обвѣшиваетъ, обмѣриваетъ и обсчитываетъ. Напротивъ, кочеванье и скотоводство они считаютъ благороднымъ занятіемъ: летаетъ онъ по степи, всегда веселый, безпечный, почти ни чѣмъ не занятъ, ни о чемъ не думаетъ и готовъ слетать за десятки верстъ за свѣжей новостью, повидаться съ тамыромъ, или отъ нечего дѣлать—и съ презрѣніемъ смотритъ на сарта, замкнутаго въ четырехъ стѣнахъ и въ потѣ лица обрабатывающаго поля и сады. Ко всему этому киргизъ съ омерзѣніемъ относится къ сартовской развращенности, выражающейся въ общей страстной склонности—къ баччебазству. Въ свою очередь сарты съ презрѣніемъ смотрятъ на киргизовъ, какъ на дикарей, справедливо считая себя образованнѣе, умнѣе и серьезнѣе ихъ, и при томъ сарты видятъ въ нихъ только по имени мусульманъ, а въ дѣйствительности кяфіровъ (людей невѣрныхъ), не исполняющихъ обряды мусульманскіе, живущихъ не по шаріату и не признающихъ его,—и потому считаютъ позволительнымъ, когда представится случай, обмануть, обсчитать и разорить этихъ степныхъ разбойниковъ—барантачей и варваровъ, шляющихся по степи безъ труда, безъ дѣ-

ла, тогда какъ все благополучіе, все благосостояніе свое они видятъ въ земледѣліи и въ промысловомъ трудѣ и въ торговлѣ. Такимъ образомъ, обѣ главныя народности Туркестана живутъ совершенно розною жизнію и смотрятъ въ противоположныя стороны.

Въ такомъ положеніи находился Туркестанскій край во время нашего туда прихода. По мусульманской замкнутости среднеазиатскихъ ханствъ и положительной ихъ недоступности для европейца, страна эта была для насъ совершенно невѣдома. Поэтому, овладѣвъ ею, мы съ крайней осторожностію стали вводить свое управленіе, водворять нѣкоторый порядокъ. Благоразуміе требовало прежде ознакомиться съ характеромъ и бытомъ населенія, съ климатическими и топографическими условіями страны и затѣмъ уже вводить свое управленіе, свою гражданственность, тѣмъ болѣе, что тогда мы еще и сами не знали конечной цѣли занятія нами Туркестанскаго края. Судьба навязала намъ эту невѣдомую страну, безъисходная необходимость принудила насъ занять ее, — но мы еще не знали, слѣдуетъ ли эту страну окончательно присоединить къ Имперіи, слѣдовательно и водворить въ ней на прочныхъ началахъ нашъ порядокъ, нашу гражданственность, или только временно занять ее, прекратить анархію, водворить спокойствіе и эксплуатировать ея богатства. Генералъ Черняевъ отнесся къ этому существенному и главному вопросу вполне осмотрительно и крайне осторожно. Онъ на первое время предоставилъ внутреннее управленіе населеніемъ ему самому тѣмъ же порядкомъ, посредствомъ тѣхъ же органовъ, какъ оно управлялось при кокандцахъ, но подъ контролемъ и руководствомъ русской власти.

Русская власть сначала приняла въ отношеніи внутренняго управленія населеніемъ болѣе наблюдательное, чѣмъ активное положеніе. Населеніе въ теченіе 4-хъ лѣтъ управлялось также чрезъ аксакаловъ, казіевъ у сартовъ, старшихъ биевъ и простыхъ биевъ у киргизъ, съ необходимыми и незначительными ограниченіями и измѣненіями. Такъ мы уничтожили рабство, прекратили по приговорамъ казіевъ отсѣченіе членовъ рукъ, ногъ и смертную казнь, уничтожили ихъ зинданы — ямы для содержанія преступниковъ, и уничтожили должность райса, наблюдавшаго за точнымъ исполненіемъ правовѣрными обрядовъ религіи, и курбаши — начальника ночной стражи.

Хотя съ переходомъ подъ наше владычество, населеніе не

видѣло никакой перемены въ его жизни, въ его внутреннемъ управленіи, въ его судѣ, но оно сразу почувствовало въ воздухѣ иное вѣяніе,—сознало, что наступила другая эра, доселѣ не испытанная и не извѣданная. Явилась власть твердая, стойкая, которую послушаться никому и въ голову не приходило,—явилось начальство, которое властно распоряжалось и у котораго смѣло можно было искать и защиты и правды. Послѣ погромовъ, нанесенныхъ въ Ауліэата, Туркестанѣ, Чимкентѣ, Ташкентѣ, Ирджарѣ, Ходжентѣ, Уратюбе и Джизакѣ, кокандцы и бухарцы притихли, присмирѣли. Внутри страны какъ-то стало тихо, покойно; прекратилась и баранта, объявленъ былъ салаватъ, или прекращеніе всѣхъ тяжбныхъ дѣлъ, протекающихъ отъ баранты за прежнее время. Киргизы уже не боялись за безопасность своего скота; сарты смѣло предались обработыванію земли и своимъ промысламъ и торговлѣ: расширились поля и сады, появились по степи новыя курганчи; гдѣ было мертво и пустынно явилась жизнь, зазелѣнѣли поля и сады, пріютились въ курганчахъ хлѣбопашцы; гдѣ было непроходимое болото и камыши—мѣстность стала расчищаться, явились рисовыя поля. Первые четыре года край управлялся слабыми ничтожными силами --это было просто военное занятіе его русскими войсками. Но несомнѣнная и громадная заслуга этого первоначальнаго 4-хъ лѣтняго нашего управленія краемъ было то, что эта, подавленная и угнетенная постоянными кровавыми смутами и волненіями, обуреваемая полной и всегдашней анархіей, страна была на столько умиротворена и успокоена, что населеніе получило возможность обратиться къ мирному труду.

Въ эти четыре года выяснилось, что новый край долженъ быть присоединенъ къ Имперіи навсегда, но что оставлять его въ такомъ плачевномъ управленіи далѣе нельзя и необходимо дать ему возможно-правильное гражданское управленіе, согласованное съ бытомъ и характеромъ туземцовъ и съ мѣстными условіями. Командированная по Высочайшему повелѣнію степная коммисія тщательно собрала на мѣстѣ всестороннія свѣдѣнія о новой странѣ и ея населеніи и составила, примѣняясь къ нимъ, проектъ положенія объ управленіи Туркестанскимъ краемъ. Главныя основанія къ этому проекту были выработаны особымъ комитетомъ, составленнымъ по Высочайшему повелѣнію, подъ предсѣдательствомъ военнаго министра генералъ-адъютанта Милютина, изъ лицъ болѣе или менѣе знакомыхъ

съ новымъ краемъ и близко къ нему стоящихъ и стоявшихъ. Но несмотря на разныя комисіи и комитеты, занимавшіеся изученіемъ и изслѣдованіемъ новаго края, онъ оказался на дѣлѣ еще настолько невѣдомымъ, такъ мало изслѣдованнымъ, что правительство не рѣшилось утвердить составленный степною комисію для управленія Туркестанскаго края проектъ положенія. Но, учредивъ однако на основаніи этого проекта изъ Туркестанскаго края особое генераль-губернаторство, оно предоставило новому главному начальнику края въ видѣ опыта полномочіе управлять краемъ по своему усмотрѣнію въ теченіе трехъ лѣтъ, примѣняясь однако къ этому проекту положенія, и обязало его, ознакомившись съ краемъ, на мѣстѣ исправить и дополнить уже провѣренный опытомъ проектъ положенія и представить новое положеніе по истеченіи опытнаго 3-хъ-лѣтняго срока.

Такое необычайное полномочіе дано было новому главному начальнику Туркестанскаго края генераль-адъютанту фонъ-Кауфману 1-му, несомнѣнно только благодаря полному личному довѣрію Государя высокимъ качествамъ этого выдающагося государственнаго человѣка. Это былъ человѣкъ просвѣщенный, глубокаго ума, съ широкимъ государственнымъ взглядомъ, твердой воли и стойкаго характера, смѣлый и рѣшительный, и при этомъ человѣкъ общительный, доступный и добрый. Твердою рукою, властно и смѣло принялся онъ за управленіе ввѣреннымъ ему краемъ. Утвердивъ русскую власть и окончательно совершенно его успокоивъ, онъ ввелъ здѣсь новое управленіе, установилъ возможно прочный порядокъ, водворилъ начало русской гражданственности и высоко поднялъ русское знамя въ этой фанатической мусульманской странѣ. Обѣхавъ страну, ознакомившись съ населеніемъ, бытомъ, характеромъ и мѣстными условіями, генераль-адъютантъ Кауфманъ нашелъ возможнымъ цѣликомъ принять данный ему къ руководству проектъ положенія и по штатамъ его образовать новое управленіе краемъ. Вотъ основныя положенія устройства управленія новообразованнаго генераль-губернаторства; 1) нераздѣльность власти военной и административной и соединеніе ея въ краѣ въ однѣхъ рукахъ и 2) предоставленіе внутренняго управленія туземнымъ населеніемъ по всѣмъ дѣламъ, не имѣющимъ политическаго характера, выборнымъ изъ среды самого народа, примѣняясь къ его правамъ и обычаямъ.

Эти два положенія прошли чрезъ всѣ правительственныя и